

Информация для цитирования:

Алферова И. В. «Пределы возможного»: практики административных взысканий в отношении российской периодической печати в начале XX века // И. В. Алферова, В. Ф. Блохин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 248—264. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-248-264.

Alferova, I. V., Blokhin, V. F. (2023). Limits of Possibility: Practices of Administrative Sanctions Against Russian Periodical Press at Beginning of 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 248-264. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-248-264. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-248-264

**«Пределы возможного»:
практики
административных
взысканий в отношении
русской периодической
печати в начале XX века**

Алферова Ирина Викторовна *
orcid.org/0000-0002-8951-2744
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории,
* *корреспондирующий автор*

Блохин Валерий Федорович
orcid.org/0000-0003-0254-6093
доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой
отечественной истории
blohin.val@yandex.ru

Брянский государственный университет
(Брянск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 22-28-0090

**Limits of Possibility:
Practices of Administrative
Sanctions Against
Russian Periodical Press
at Beginning of 20th Century**

Irina V. Alferova *
orcid.org/0000-0002-8951-2744
Doctor of History, Professor,
Department of National History,
* *Corresponding author*
alferovairi@yandex.ru

Valeriy F. Blokhin
orcid.org/0000-0003-0254-6093
Doctor of History, Professor,
Department of National History
blohin.val@yandex.ru

Bryansk State University
(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:
This research was conducted
with financial support from
the Russian Science Foundation (RSF),
project number 22-28-0090

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются механизмы цензурных ограничений российской периодической печати, которые получили распространение к началу XX века. Рассматривается история становления цензуры в пореформенный период, этапы реорганизации цензурного аппарата в контексте изменявшихся российских реалий второй половины XIX — начала XX веков. Поднимается вопрос о законодательных инициативах, регулировавших освещение событий внутриполитической жизни на страницах российских периодических изданий. Особое внимание уделяется практике использования административного ресурса в виде обязательных постановлений губернаторов для установления контроля над местной печатью. Документы для анализа были извлечены авторами из фондов Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации. В них содержится информация о конкретных фактах административных взысканий и штрафов, наложенных губернаторами на редакторов газет. Сопоставление этих сведений с контентом статей, подвергнутых взысканиям, дал возможность выявить «пределы возможного» для периодической печати, существовавшие на местах в представлениях администраторов. Выполненный обзор позволил прийти к выводу, что обязательные постановления предоставляли администрации губерний право, ориентируясь на собственные пристрастия и убеждения, цензурировать политический контент печатных изданий, оказывая тем самым воздействие на общественное мнение.

Ключевые слова:

Российская империя; периодическая печать; цензура; губернаторы; административные взыскания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the mechanisms of censorship restrictions on Russian periodical press that had become widespread by the beginning of the 20th century. It explores the history of the development of censorship during the post-reform era and the stages of reorganization of the censorship apparatus in the context of changing Russian realities in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. The issue of legislative initiatives regulating the coverage of domestic political events in the pages of Russian periodicals is addressed. Special attention is given to the practice of using administrative resources in the form of mandatory decrees by governors to establish control over local press. The documents for analysis were extracted by the authors from the archives of the Police Department of the State Archive of the Russian Federation. They contain information about specific instances of administrative penalties and fines imposed by governors on newspaper editors. Comparing this information with the content of articles subjected to penalties allowed for the identification of «the limits of possibility» for periodical press that existed locally in the perceptions of administrators. The review conducted led to the conclusion that mandatory decrees provided provincial administrations with the right, based on their own biases and convictions, to censor political content in print publications, thereby influencing public opinion.

Key words:

Russian Empire; periodical press; censorship; governors; administrative penalties.

«Пределы возможного»: практики административных взысканий в отношении российской периодической печати в начале XX века

© Алферова И. В., Блохин В. Ф., 2023

1. Введение = Introduction

До начала 1860-х годов в Российской империи лишь несколько периодических изданий имели политические разделы, существовавшие согласно их собственным программам, которые они обязаны были предъявлять на официальное утверждение цензурным органам. За последующее десятилетие подобный контент появился с согласия цензуры в подавляющем большинстве российских массовых средств печати. Даже в условиях сохранявшихся цензурных ограничений отбор и смысловое содержание информации способствовали обеспечению читательского интереса и взаимосвязанного с ним коммерческого успеха российских периодических изданий.

Полнота и разнообразие информации способны были выстроить новое общественное пространство, которое, находясь в пределах государственных границ, было способно сформировать у читающей публики видение общественных проблем, отличавшееся от их официальных интерпретаций, что грозило распространением критического отношения к деятельности правительства, других государственных институтов и даже к системе управления в целом. Поэтому доступность сведений политического характера имела свои «пределы дозволенного», подвластные законам и нормам, установленным в отношении распространения информации.

Тема политической цензуры со всей очевидностью не являлась приоритетной в советское время, привлекая внимание исследователей главным образом в качестве цензурной истории произведений русской литературы, поскольку с ней было связано их текстологическое изучение при подготовке собраний сочинений или при написании отдельных глав истории российской журналистики [Евгеньев-Максимов и др., 1930].

На этапе новейшей историографии можно выделить работы историка российской журналистики Г. В. Жиркова, который продуктивно интерпретировал различные стороны работы цензурного ведомства в Российской империи [Жирков, 2001]. Ученые Петербургской исторической школы ис-

пользовали прежде всего документы Российского государственного исторического архива (РГИА), где находится объемный фонд Главного управления по делам печати (Ф. 776), содержащий исчерпывающую информацию о предмете предостережений, выдаваемых средствам печати.

Среди монографических исследований можно выделить работы Н. Г. Патрушевой [Патрушева, 2013], а также серию сборников научных трудов «Цензура в России: История и современность», изданных Российской национальной библиотекой, выходящих один раз в два года и на сегодняшний день насчитывающих 10 выпусков [Цензура в России: история и современность..., 2001—2021 гг.].

Однако, несмотря на расширение тематического и концептуального спектра исследований, является очевидной необходимость объединения усилий представителей разных научных направлений для выполнения исследовательских проектов на стыке истории, журналистики, литературоведения и краеведения при изучении особенностей функционирования периодической печати, ее влияния на общественные настроения и степени воздействия на этот процесс цензурных запретов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Специальные общесторические методы были использованы для выявления внутренней логики происходивших процессов в сфере развития российской печати. Так, историко-хронологический и историко-генетический методы позволили нам воссоздать общую картину цензурных ограничений для периодических изданий, определить последовательность в их трансформации, в их рамках обозначить место административным взысканиям. Выявляя специфику функционирования информации в указанный период в Российской империи, мы посчитали необходимым использовать понятие «публичная сфера», введенное в научный оборот Юргеном Хабермасом (Jürgen Habermas) [Хабермас, 2016].

Вслед за немецким ученым мы интерпретируем данный феномен как сферу коммуникации между государством и гражданами, в которой происходит публичное обсуждение значимых общественных проблем. Наиболее действенным средством подобной коммуникации в рассматриваемый период выступала периодическая печать.

Для общей характеристики совокупных приемов, методов и направлений деятельности государства по установлению контроля над прессой мы опирались на феномен «цензурных режимов» [Макушин, 2008, с. 103]. Вспомогательный метод case-study (метод ситуационных исследований) применялся авторами при выявлении конкретных случаев административных взысканий, налагаемых на печать губернаторами.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Цензурные ограничения в контексте российских исторических реалий второй половины XIX — начале XX веков

К началу XX века цензура периодической печати Российского государства как строго организованная система прошла длинный путь, начиная с первого устава, принятого в 1804 году во время правления Александра I. Цензурный устав, утвержденный в 1828 году, предусматривавший контроль всей печатной продукции, производимой в стране и ввозимой из-за границы, продолжал действовать в России на протяжении почти 65-летнего отрезка времени.

В то же время цензурный аппарат Российской империи неоднократно реорганизовывался, что было обусловлено необходимостью приспособления к изменявшейся ситуации в стране. С 14 января 1863 года управление политической цензурой было полностью передано из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел, где было создано Главное управление по делам печати во главе с начальником, который в силу определенного для него функционала оказывал заметное влияние на проводимую в жизнь государственную цензурную политику.

На смену структур, созданных при университетах и при попечителях учебных округов, пришли комитеты по внутренней цензуре «в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Тифлисе; отдельные цензоры — в Казани, Риге, Ревеле, Дерпте, Одессе, Вильне, Киеве, Митаве, с 1903 года — в Харькове, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Саратове, Ростове-на-Дону, Томске и Владивостоке» [Патрушева, 2010, с. 282].

В губернских и уездных городах, где не было цензурных учреждений, а таковых из-за ограниченных бюджетных возможностей было большинство, надзор за периодической печатью возлагался на чиновников губернской администрации. Указ от 30 сентября 1881 года конкретизировал ответственного за осуществление цензурного контроля в провинции: «Цензирование частных периодических изданий в губернских городах, в которых нет цензурных учреждений, возложить, без производства особого вознаграждения, на Вице-Губернаторов или на исправляющих эту должность, когда Вице-Губернаторы вступают в управление губернией» (1881, № 420) [ПСЗРИ, т. 1, с. 301].

Преобразования в различных сферах экономической и общественной жизни в ходе реформ 1860-х годов сыграли ключевую роль в развитии важной составляющей роста периодической печати: обеспечили ее массовым читателем, проявлявшим на фоне происходивших в стране перемен интерес к просвещению. На волне широкомасштабных изменений, в рамках продолжавшего действовать цензурного устава, в виде временных правил

6 апреля 1865 года был принят новый цензурный закон, знаменовавший собой определенное послабление в области информационных ограничений, однако он распространялся только на столичную печать.

Согласно новым правилам, действия цензурных органов в отношении периодических изданий заключались главным образом в раздаче предостережений. После трёх из них следовала приостановка выпуска газеты или журнала сроком до 6 месяцев с возможным судебным разбирательством и полным закрытием тех из них, которые будут признаны «особо вредными». Таким образом, введённая система административных взысканий за так называемое «вредное направление», заимствованное как идея из французского законодательства времён Второй империи Наполеона III, на долгие годы предопределила особенности отношений власти и периодической печати, сопровождавшиеся постоянным поиском в газетах и журналах «вредного направления». Причем «на протяжении всего этого времени это определение имело совершенно разный смысл и содержание» [Блохин, с. 114].

Тем не менее начиная с 1870-х годов периодическая массовая печать в России развивалась ускоренными темпами, хотя отставание от европейских государств было по-прежнему значительным. Наряду с общественным мнением, основой которого были отчасти официальные источники информации, а отчасти — многочисленные слухи, заявило о себе «мнение опубликованное», генерируемое печатным словом. Пресса постепенно, причем с претензией на доминирование, стала занимать всё более значимое место среди существовавших в России источников новостей.

Балканский конфликт, переросший в очередную Русско-турецкую войну 1877—1878 годов, явился знаковым событием в определении места периодической печати в рамках российской публичной сферы. Газеты и журналы не только широко освещали ход конфликта, но и в какой-то степени через осуждение жестоких действий Османской империи по отношению к болгарскому населению смогли сформировать определенное общественное мнение, что подтолкнуло проявлявшего колебания Александра II к принятию решения о вступлении в войну. Тогда же журналисты российских газет впервые были направлены в качестве корреспондентов на фронт.

Убийство народовольцами Александра II нарушило ход, казалось бы, начавшегося процесса взаимодействия власти и средств массовой информации. Стала активнее использоваться неофициальная предварительная цензура статей, на встречах с редакторами газет и журналов определялся перечень вопросов, которые не рекомендовалось обсуждать в периодических изданиях. В новых условиях заметно усилилось вмешательство администрации в деятельность печатных органов. Причинами усиления было как желание противодействовать распространению революционных на-

строений в стране, так и чрезмерное усердие в решении вышеозначенной задачи.

Высочайше утверждённое 14 августа 1881 года, принятое Комитетом министров «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» явилось своеобразной кульминацией развивавшихся отношений. Документ регламентировал режим исключительного (чрезвычайного) положения и служил для ускоренного в случае необходимости его введения (1881, № 350) [ПСЗРИ, т. 1, с. 261—266]. Санкт-Петербург и Москва находились под его непрерывным действием вплоть до 1917 года.

На основании статей 15 и 16 «Положения» были также приняты меры контроля в сфере печати в провинции. Губернаторам предоставлялось право «издавать в пределах их ведомства постановления, в видах правильного и успешного исполнения, сообразно с местными условиями, узаконений об общественных благочинии, порядке и безопасности» [Правила об издании ..., 1892].

Однако на волне революционных событий по указу 24 ноября 1905 года для укрепления «незыблемых основ гражданской свободы, одним из условий коей является свобода слова», было объявлено об устранении административного воздействия «в области периодической печати», а дела о преступлениях в этой сфере деятельности надлежало передавать в суд [Положение печати в России..., 1914, с. 14]. Цензурный устав и административная (предварительная) цензура были отменены.

Вместе с уставом прекратила свое действие входившая в него 140 статья, гласившая: «Если по соображениям высшего правительства найдено будет неудобным оглашение или обсуждение в печати, в течение некоторого времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятых от предварительной цензуры современных изданий поставляются о том в известность через Главное управление по делам печати, по распоряжению министра внутренних дел» [Ширков, 1900, с. 63—64]. Этот пункт устава, по замыслу его создателей, должен был служить основой для распоряжений, которые были якобы способны защитить определенные интересы государства. При этом существование статьи 140, по заверению ее толкователей, не должно было ограничивать обсуждение в печати политических и общественных вопросов и применяться лишь в крайних случаях, для наказания за «явно вредное направление» [Ширков, 1900, с. 64].

За досрочным роспуском Государственной Думы 3 июня 1907 года, широко именуемым как «Третьеиюньский переворот», последовал Именной высочайший указ, данный Сенату о предоставлении архангельскому, вологодскому, новгородскому, олонецкому, псковскому, рязанскому, смоленскому, тверскому и ярославскому губернаторам права «издавать для

жителей вверенных им губерний обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественной безопасности» (1907, № 29244) [ПСЗРИ, т. 27, с. 336]. Важной частью обязательных постановлений являлся пункт, который предусматривал в случае нарушения одного из возможных запрещений подвергать виновного в административном порядке штрафу до 500 руб. (а в местах с чрезвычайной охраной — до 3000 руб.) или аресту до 3 месяцев. Действие закона изначально было определено сроком на один год, однако в дальнейшем он не только не был аннулирован, но и получил распространение в других губерниях.

Судебные разбирательства с печатью, предусмотренные законом 24 ноября 1905 года, оказались, с точки зрения властей, недостаточно эффективным способом воздействия на нее. В этой ситуации для корректировки все чаще проявлявшихся отступлений от намеченной для печатных изданий линии поведения была задействована возможность использования административного ресурса в виде обязательных постановлений губернаторов. Принятые таким образом постановления должны были предупреждать и пресекать различного рода нарушения законов, характерных для конкретной местности, находившейся в ведении местных «главноначальствующих».

Например, в Харьковской губернии такое типовое обязательное постановление для жителей было принято 20 мая 1911 года, оно включало в себя следующие пункты: учёт вновь прибывшего и выбывавшего населения (с тем чтобы запрещать отдельным личностям пребывание в этой местности); об оружии; о различного рода народных, общественных и даже частных собраниях; об исполнении требований полиции, направленных на ограждение внешнего порядка; о попытках подстрекательства к забастовкам; о печати; о ночных сторожах и дворниках; о безопасности движения по улицам, о внутреннем наблюдении в границах владений [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 8]. Пункт о печати запрещал «всякого рода восхваление преступного деяния, равно как распространение или публичное выставление сочинений, либо изображений, восхваляющих такое деяние» [Там же]. Очевидно, что это положение являлось механизмом, позволившим губернаторам, ориентируясь на их собственные пристрастия и убеждения, всецело контролировать политический контент печатных изданий и, в свою очередь, оказывать воздействие на общественное мнение.

Так, в этом обязательном постановлении запрету подлежали: «Оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству. <...> Оглашение или публичное распространение: а) ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской

части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение, и б) ложных, возбуждающих общественную тревогу, слухов о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии» [Там же].

3.2. Практики административных взысканий за «проступки в печати»

Документы, в которых содержится информация о конкретных фактах административных взысканий и штрафов, наложенных в рамках губернаторских обязательных постановлений на редакторов газет «за проступки в печати», частично сохранились в фонде Департамента полиции Министерства внутренних дел ГАРФ. Материалы относятся к концу 1913 года и к первому полугодю 1914 года. Для нас интерес представляют формулировки обвинений, на основании которых администрация губерний повергала редакторов газет наказаниям. Они, на наш взгляд, являются свидетельством существования официальных, а чаще — неофициальных норм, правил, принципов, на основе которых местная власть пыталась определять характер политического поведения населения страны.

Так, харьковский губернатор сообщил 5 января 1914 года в Департамент полиции о наложении штрафов на местные газеты «Утро» и «Южный край» за размещение в первой статей под названием «Ещё о сановном скандале» и «Праздничный подарок», а во второй — публикации под заглавием «Наброски».

Статьи были посвящены инциденту из частной жизни министра народного просвещения Льва Аристовича Кассо, известного своей приверженностью к насаждению морали в учебных заведениях империи. Газета «Южный край» в статье под названием «Наброски» в подробностях изложила событие, при котором состоявший в законном браке министр был «изловлен в отдельном кабинете ресторана с чужой женой» двумя студентами, один из которых являлся сыном находившейся в ресторане женщины. Газета утверждала, что счастливая звезда Л. А. Кассо теперь закатилась, что он уже «не может держать в руках своих, пахнувших ещё духами г-жи Z., министерского портфеля» [Наброски, 1913]. Министр не будет больше «просвещать Россию», а судьбы русской школы, оказывается, держались «на оборке женской юбки» и «совершенно неожиданно неизвестная женщина играла выдающуюся роль в Министерстве народного просвещения, и совершенно неожиданно благодаря той же самой женщине, шлёпнулся всесильный министр» [Наброски, 1913].

В подобном же духе была написана статья «Праздничный подарок», опубликованная в газете «Утро». Здесь автор, подписавшийся «Ив. Огнев», указывал на моральную сторону случившегося, отмечая, что Л. А. Кассо в должности министра отличался особой тягой к внедрению различного

рода запретов в области морали, особенно применительно к средней школе: «Ещё недавно учащимся девицам и юношам было предписано внешкольным надзором ходить по разным сторонам улицы, теперь им можно будет сходиться на середине её» [Праздничный подарок, 1913], — иронизировал автор статьи.

На редактора газеты «Утро» 31 декабря 1913 года был наложен штраф в размере 300 руб. с заменой неуплаты арестом на 50 дней, поскольку статья «Праздничный подарок», по мнению губернатора, «возбудила в населении враждебное отношение к правительству» [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 4]. Редактор «Южного края» был оштрафован на 500 руб. с заменой в случае неуплаты арестом на 90 дней.

Начальник губернии нашел недопустимым, «чтобы на страницах периодической печати высказывались подобные оскорбительные суждения о представителях высшей правительственной власти и тем подрывали государственный престиж» [Там же]. В практике средств печати функция критики имела довольно широкое распространение, внося для читателей определенную интригу в рутину повседневных новостей. Такого рода материалы совершенно необязательно имели политический подтекст. Традиционный интерес части населения к происшествиям и скандалам с участием знаменитостей, в том числе и представителей властных структур, в своем большинстве не являлся поводом для активизации политических сил. Если политические новости были представлены исключительно через призму конфликта и персонификации, то для общественности именно конкретная персона и вызванный ею скандал являлись поводом для обсуждения. В рассматриваемом же эпизоде действия губернатора были связаны по сути дела с попыткой лишения прессы практического права на моральную оценку тех или иных событий и лиц. Кстати, Л. А. Кассо в отставку не ушел и занимал должность министра вплоть до самой смерти 26 ноября 1914 года.

Газеты подвергались наказаниям не только за публикации материалов, затрагивавших проблемы общегосударственного масштаба. Статья в «Сумском вестнике» 22 февраля 1914 года вызвала очевидный гнев харьковского губернатора, поскольку он обвинялся в причастности к увольнению заведующего внешкольным образованием Н. А. Грищенко. Газета обвиняла администратора в том, что он своим распоряжением «на основании происков местного инспектора народных училищ» уволил этого земского служащего, «прослужившего в земстве много лет и снискавшего себе большое расположение как со стороны управы, так и со стороны учителей» [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 51].

Губернатор заявлял, что «заметка призвана возбудить общественные симпатии к этому левому деятелю с одной стороны, а с другой вызвать

враждебные у населения чувства по отношению к губернской администрации» [Там же, л. 48]. Редактор был оштрафован на 500 руб., с заменой, в случае неуплаты, арестом на 90 дней.

Вероятно, может возникнуть впечатление, что именно харьковский губернатор отличался особым усердием в вопросах «наведения порядка» в периодических изданиях вверенной ему губернии, однако документы Департамента полиции свидетельствуют, что он был не одинок в своих начинаниях. Например, могилевский губернатор на основании изданного им 4 сентября 1913 года для жителей губернии обязательного постановления, также неоднократно проявлял бдительность, корректируя «пределы возможного» печати в освещении деятельности государственных органов и чиновников.

Так, редактор газеты «Гомельская мысль» был наказан денежным штрафом в размере 100 руб. или арестом на 30 дней за статью под названием «Кунктаторы». Публикация была оценена как «крайне тенденциозная» из-за критики деятельности Государственного совета, который на протяжении 4 лет под предлогом необходимости выработки общих норм наёмного труда обсуждал «мирный вопрос» найма торговых служащих. В этом промедлении газета усмотрела «характерное проявление всей тактики Совета, вкладывающего палки в колесо развития русской жизни» [Е-нь. Кунктаторы, 1914], за что и была подвергнута взысканию.

Редактор «Гомельской мысли» был наказан за выраженное в статье «Дела просвещения» недовольство в отношении учебного ведомства, которое предписало своим циркуляром инспекторам учебных округов контролировать и подвергать цензуре лекции, доклады и чтения, устраиваемые в земских народных школах. Причиной такого контроля, согласно тексту статьи, стало то соображение, что, «по донесениям попечителей учебных округов, в некоторых местностях имели место организации народных чтений, лекций и докладов по религиозным и политическим вопросам, не доступным к восприятию деревенской аудитории» [Дела Просвещения ..., 1914]. На этот раз штраф составил 200 руб., которые можно было заменить арестом сроком в полтора месяца [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 56].

Вятский губернатор 22 февраля 1914 года на основании изданного им 4 сентября 1913 года обязательного постановления наложил на редактора газеты «Вятская речь» административное взыскание за помещение в № 39 фельетона под названием «Поездка администратора» [Там же, л. 45]. В нем речь шла о предоставлении Пермской железной дорогой отдельного вагона для поездки епископа местной епархии Филарета. Газета отмечала, что средства для этого путешествия были выделены из доходов свечного завода, а это неминуемо должно было сказаться на подорожании свечей для прихожан [Поездка администратора ..., 1914].

Довольно неожиданными в ряду прочих выглядят взыскание вятского губернатора, наложенные на ту же газету «Вятская речь» за перепечатку из столичной газеты «День» статьи по поводу циркуляра министра финансов о мерах борьбы с пьянством [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 71], а также наказания могилевским губернатором «Гомельской мысли» за перепечатку статьи из столичной газеты «Речь» [Там же, л. 80]. Разрешенная для столичного обывателя информация зачастую, по соображениям местных властей, становилась запретной для провинциального. Для вынесения решения в таких случаях ключевую роль играло недоверие представителей администрации губерний к конкретным центральным органам печати.

Так, в Пермской, Курской, Рязанской, Полтавской, Херсонской, Саратовской и ряде других губерний местными администраторами столичные газеты были разделены на «желательные» и «нежелательные», при этом лицам, состоявшим на земской или государственной службе, было не рекомендовано выписывать издания, в которых содержалась критика деятельности губернаторов. В число «нежелательных» входили крупнейшие российские издания: «Биржевые ведомости», «Всеобщая газета», «Русское слово», «Копейка».

Между тем в столичных Санкт-Петербурге и Москве местные градоначальники также сами устанавливали для населения своих городов пределы дозволенного в печати. Поскольку там действовали правила, применимые для местностей, находившихся на положении чрезвычайной охраны или на военном положении, генерал-губернаторы и градоначальники имели право закрывать газеты на весь период их действия.

Формы государственного влияния на печать затрагивали и проблемы мобилизации общественного согласия и лояльности. Важнейшей функцией периодической печати традиционно выступала передача ею оперативной информации о наиболее важных для населения и органов власти событиях. Любое издание при этом включало как краткие информационные сообщения, так и сведения, содержавшие авторские комментарии и оценки. Немаловажным являлось и то, от кого исходили эти комментарии, то есть учитывалась благонадежность членов редакций. В официальных документах цензурного ведомства подчеркивалось, что периодические издания обладали свойством непрерывных проводников впечатлений на публику и «потому они не нуждаются в прямых высказываниях своих взглядов, а могут проводить их постепенно, выражая их рядом намеков, недоговоров, повторений и других редакторских или издательских приемов» [Патрушева, 2010, с. 272]. Показательной на этом фоне выглядит публикация в газете «Речь» от 1 июля 1914 года со ссылкой на издание «Сибирская жизнь».

В городе Минусинске группа интеллигенции решила издавать газету, и было выпущено несколько номеров «Минусинского края». Издание не вызвало никаких нареканий, но местный исправник пригласил к себе в полицию двух ее сотрудников и предупредил их, что они будут высланы из города, если не прекратят сотрудничество в газете. Третьему члену редакции такое предупреждение было сделано прямо на улице.

Редактор-издатель газеты подал жалобу енисейскому губернатору, который в ответ заявил, что политическим ссыльным запрещена всякая публичная деятельность, а тем более такая, «которая носит в себе признаки стремления к возбуждению населения против существующего строя или одного класса против другого; если некоторым ссыльным поселенцам разрешается проживание в городе Минусинске, то лишь во внимание к состоянию их здоровья, и при условии вполне одобрительного поведения и занятия полезным трудом» [Свобода печати ..., 1914].

В практике административных вмешательств просматривается устойчивое стремление исключить любые рассуждения о проявлении ограничений в отношении печати. Так, Вятский губернатор препроводил в департамент полиции в марте 1914 года копию постановления о наложении административного взыскания на редактора газеты «Вятская речь» Н. Н. Вакина за статьи «Печать и общество» и «За свободу печати» [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 65].

В последней из них перечислялись печатные органы, испытывавшие разного рода притеснения со стороны властей. Так, из статьи следовало, что в Вильно был конфискован за карикатуру польский журнал «Бруковец», а редактор привлечен к суду за оскорбление императора. «Маленькие Одесские новости» были оштрафованы на 200 руб. за статью «О пробках Г. Совета». «Одесская почта» была оштрафована на 500 руб. за напечатание опровергнутого впоследствии администрацией сообщения о ритуальной провокации в предместье Киева. В Варшаве был конфискован первый номер еврейской газеты, посвященный интересам приказчиков.

В той же статье сообщалось о взыскании, наложенном Новгородским губернатором на газету «Мстинская волна», издававшуюся в Боровичах. «Новгородский губернатор, — отмечал автор статьи, — положил начало, кажется, новой полосе в деле преследования печати», указывая, что редактор названной газеты был оштрафован на 200 руб., с заменой в случае несостоятельности арестом на один месяц «за напечатание отчета о заседании городской думы, в котором якобы неточно приведены речи гласных» [Борьба с печатью ..., 1914].

До 1905 года предостережения газетам и журналам на основании статьи 140 устава о цензуре выдавались за материалы, оскорбительные для

высшего сословия в государстве, то есть для дворянства. «Запрещалось писать о голоде, о холере, о недостатке надельной земли, о чрезмерной обременительности платежей повинностей, об университетских беспорядках, о политических процессах, о волнениях на фабриках, об отношении рабочих к фабрикантам» [Положение печати в России ..., 1914, с. 14].

После указа 24 ноября 1905 года статья 140 была отменена, но постепенно редакции газет вновь были поставлены перед необходимостью отказа от освещения тех или иных проблем, волновавших жителей страны [Положение печати в России, 1914, с. 14]. Так, нельзя было размещать материалы о роспуске Думы и критиковать новый земельный закон от 9 ноября 1906 года, вспоминать лишний раз об Азефе, Илиодоре и Распутине. Было запрещено рассказывать о происшествии, в ходе которого некая женщина облила кислотой священника в церкви Николая Явленного, и даже о плохой игре артистки «П» [Положение печати в России ..., 1914, с. 15].

«За первые 8 месяцев 1913 года в разных городах России в административном порядке было наложено 228 штрафов на общую сумму в 89 400 руб.» [Там же, с. 14]. Для сравнения: в 1906 году число штрафов составляло 16, а сумма — 15 525 руб. Формулировки вынесенных постановлений о наказаниях органов печати выглядели следующим образом: «восхваляли преступную деятельность»; «возбуждали в населении враждебное отношение к правительству»; «высказывались оскорбительные суждения о представителях высшей правительственной власти и тем подрывался государственный престиж»; «содержали сведения, подрывающие уважение (возбуждающие враждебное отношение) к воинским частям и к высшим начальствующим лицам»; «содержали ложные сведения, имеющие целью восстановить православное население против своего архипастыря и всячески уронить в обществе его авторитет» [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 228, л. 2, 4, 5, 7, 24, 32, 38, 52]. Проблема представлялась таким образом, что газеты практически обвинялись в целенаправленной антиправительственной деятельности.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, к началу XX века в России был накоплен значительный опыт взаимодействия официальных государственных структур со средствами печати, сложилась система взаимосвязанных центральных и местных цензурных учреждений, которые с переменным успехом решали проблемы контроля общественного мнения в отношении как получивших распространение российских и зарубежных политических настроений, нашедших в стране своих сторонников, так и отдельных персоналий.

Из цензурной практики этого времени можно вывести определенную закономерность, которая в общем виде сводится к тому, что и ужесточение

цензурного законодательства в России, наблюдавшееся в периоды революционных, а также военных потрясений, и некоторое его смягчение за счет принятия разного рода дополнительных правил к существовавшему цензурному уставу, а иногда — ошибки цензуры сохраняли для печати возможности саморазвития.

Указ от 24 ноября 1905 года, отменявший на волне революции 1905 года предварительный контроль произведений печати, обозначил новый этап становления свободы печатного слова в Российской империи. Однако, передав в судебные инстанции решения о наказании органов печати, российское правительство позаботилось о создании дополнительных механизмов воздействия на средства массовой информации. Они заключались в том числе в праве местной администрации в лице губернатора или вице-губернатора на наложение взысканий на редакторов периодических изданий в виде штрафов или тюремного заключения. Основной причиной взысканий, как следует из проведенного исследования, выступало превышение некоторых возможных границ при публикации в прессе критических замечаний в адрес властных структур, учреждений или конкретных чиновников. При этом «пределы возможного» для печати определялись не законодательством, а администраторами, которые в свою очередь исходили из личных предпочтений, то есть были размыты и не поддавались точному соблюдению.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Борьба с печатью* // Вятская речь. — 1914. — № 55. — 11 марта.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 102. Оп. 71. Д. 228. О наложении административных взысканий и штрафов на редакторов за проступки в печати. 1914.
3. *Дела Просвещения* // Гомельская мысль. — 1914. — № 108. — 23 февраля.
4. *Е-нь*. Кунктаторы // Гомельская мысль. — 1914. — № 105. — 16 февраля.
5. *Наброски* // Южный край. — 1913. — № 11814. — 31 декабря.
6. *Поездка администратора* // Вятская речь. — 1914. — № 39. — 19 февраля.
7. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи*. — Собр. 3-е. — (1881—1913). — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1885. — Т. 1. — 614 с.
8. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи*. — Собр. 3-е. — (1881—1913). — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910. — Т. 27. — 1276 с.
9. *Положение печати в России* // За народ! (Париж). — 1914. — № 58. — Январь.

10. *Правила* об издании Губернаторами обязательных постановлений // Свод законов Российской империи (СЗРИ). — Том II. — Гл. 2. — Отделение третье. — Изд. 1892 г.
11. *Праздничный подарок* // Утро. — 1913. — № 2184. — 31 декабря.
12. Свобода печати // Речь. — 1914. — № 176. — 1 июля.
13. *Ширков В. П.* Устав о цензуре и печати : (Св. зак., Т. XIV) : с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правит. сената и административными распоряжениями / В. П. Ширков. — Санкт-Петербург : Паровая типо-лит. инж. И. Г. Гершуна, 1900. — 302 с.

Литература

1. *Блохин В. Ф.* О вреде «вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в.) / В. Ф. Блохин // *Вестник молодых ученых. Серия «Исторические науки»*. — 2007. — № 4. — С. 109—115.
2. *Евгеньев-Максимов В.* Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы / В. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов. — Ленинград : Издательство писателей в Ленинграде, 1930. — 154 с.
3. *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX—XX вв. / Г. В. Жирков. — Санкт-Петербург : Аспект Пресс, 2001. — 368 с. — ISBN 5-7567-0145-1.
4. *Макушин Л. М.* Цензурный режим и развитие системы печати / Л. М. Макушин // *Известия УрГУ*. — 2008. — № 60. — С. 103—111.
5. *Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати и организация надзора за периодикой в 1865—1905 гг. / Н. Г. Патрушева // *Известия Смоленского государственного университета*. — 2010. — № 4 (12). — С. 271—283.
6. *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Н. Г. Патрушева. — Санкт-Петербург, 2013. — 620 с.
7. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы : исследование относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. — Москва : Весь Мир, 2016. — 344 с. — ISBN 978-5-7777-0627-0.
8. *Цензура* в России : история и современность. Сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Российская нац. б-ка, 2001—2021 гг. — Выпуск 1—10.

*Статья поступила в редакцию 09.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.*

Material resources

- A festive gift. (1913). *Morning*, 2184. 31 December. (In Russ.).
- Affairs of Enlightenment. (1914). *Gomel thought*, 108. February 23. (In Russ.).
- E-n. Kunktators. (1914). *Gomel thought*, 105. February 16. (In Russ.).
- Freedom of the press. (1914). *Speech*, 176. July 1. (In Russ.).
- GA RF — *State Archive of the Russian Federation*. F. 102. Op. 71. D. 228. *On the imposition of administrative penalties and fines on editors for misconduct in the press. (1914)*. (In Russ.).
- PSZRI — *The complete collection of laws of the Russian Empire, 1. Sobr. 3-e. (1881—1913)*. (1885). St. Petersburg: State Printing House. 614 p. (In Russ.).
- PSZRI — *The complete collection of laws of the Russian Empire, 27. Sobr. 3-e. (1881—1913)*. (1910). St. Petersburg: State Printing House. 1276 p. (In Russ.).

Rules on the issuance of mandatory resolutions by Governors. The Code of Laws of the Russian Empire (NWRJ), II (2). The third department. Ed. 1892. (In Russ.).

Shirkov, V. P. (1900). *The Statute on censorship and the press: (St. Zak., Vol. XIV): with later legalizations, legislative motives, explanations, Rules. Senate and administrative orders.* St. Petersburg: Steam typo-lit. eng. I. G. Gershun. 302 p. (In Russ.).

Sketches. (1913). *Southern region, 11814. December 31.* (In Russ.).

The administrator's trip. (1914). *Vyatka speech, 39. February 19th.* (In Russ.).

The fight against printing. (1914). *Vyatka speech, 55. March 11.* (In Russ.).

The position of the press in Russia. (1914). *For the people! (Paris), 58. January.* (In Russ.).

References

- Blokhin, V. F. (2007). On the harm of the “harmful direction” (the initial stage of the implementation of a new state model of press management in the 60s of the XIX century). *Bulletin of young scientists. The series “Historical Sciences”, 4”*: 109—115. (In Russ.).
- Censorship in Russia: history and modernity. Collection of scientific papers, 1—10.* (2001—2021). St. Petersburg: Russian National Library. b-ka. (In Russ.).
- Evgeniev-Maximov, V., Maksimov, D. (1930). *From the past of Russian journalism. Articles and materials.* Leningrad: Publishing House of Writers in Leningrad. 154 p. (In Russ.).
- Habermas, Yu. (2016). *Structural change in the public sphere: studies on the category of bourgeois society.* Moscow: The Whole World. 344 p. ISBN 978-5-7777-0627-0. (In Russ.).
- Makushin, L. M. (2008). Censorship regime and the development of the press system. *Izvestiya USU, 60*: 103-111. (In Russ.).
- Patrusheva, N. G. (2010). The Main Directorate for Press Affairs and the organization of supervision of periodicals in 1865—1905. *Proceedings of the Smolensk State University, 4 (12)*: 271—283. (In Russ.).
- Patrusheva, N. G. (2013). *Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX — early XX century.* Doct. Diss. St. Petersburg. 620 p. (In Russ.).
- Zhirkov, G. V. (2001). *The history of censorship in Russia of the XIX—XX centuries.* St. Petersburg: Aspect Press. 368 p. ISBN 5-7567-0145-1. (In Russ.).

*The article was submitted 09.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*